Российский Государственный Архив
литературы и искусства

Ф. № _____, опись № _____, дело № _____

ОЦ

Харджиев
Николай Иванович

Б. К. Лившиц.
„Флейта Марсия. Первая книга стихов."
Книга: Киев, 1911.
Экземпляр № 5.
На титульном листе дарственная надпись автора А. А. Ахматовой от 7 марта 1911 г.

Крайние даты 1911

Количество документов _____

Количество листов 82 стр.

Российский Государственный Архив
литературы и искусства

Ф. № 3145, опись № 1, дело № 1001

I

БЕНЕДИКТЪ
ЛИВШИЦЪ

ФЛЕЙТА МАРСІА

СТИХИ

1911

Глубокоуважаемой Анны Андреевны Ахматовой — искренне полюбившейся стихи автор —

(1)

7, III, 11.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ

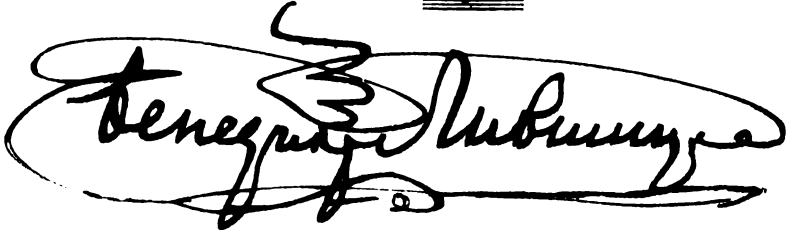
ФЛЕЙТА МАРСІЯ

ПЕРВАЯ КНИГА

СТИХОВЪ

1911

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА «ПЕТРЪ БАРСКІЙ ВЪ КІЕВѢ» ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ СТА ПЯТИДЕСЯТИ НУМЕРОВАННЫХЪ АВТОРОМЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ОБЛОЖКА РАБОТЫ М. ДЕНИСОВА. НУМЕРЪ ЭКЗЕМПЛ.



моему другу

владиміру эльснеру

ВСТУПЛЕНІЕ

ФЛЕЙТА МАРСІЯ

Да будетъ такъ. Въ залитыхъ
солнцемъ странахъ
Ты побѣдилъ фригійца, Кифаредъ.
Но злѣйшая изъ всѣхъ твоихъ побѣдъ—
Невѣрная. О марсіевыхъ ранахъ

Нельзя забыть. Его кровавый слѣдъ
Прошелъ вѣка. Встаютъ, встаютъ въ
туманахъ
Его сыны. Ты слышишь въ ихъ пэанахъ
Фригійскій звонъ, неумерщвленный бредъ?

Еще далекъ полетъ холодныхъ ламій,
И высь — твоя. Но меркнетъ, меркнетъ пламя,
И надъ землей, закованною въ ледъ,

Въ твой смертный часъ осуществляя чей-то
Ночной законъ, зловѣще запоетъ
Отверженная марсіева флейта.

тихія оргіи

НЕВѢСТА ВЪ ЧЕРНОМЪ

Въ эти дали, растягивающія
Ленту крови, что суживалъ
И оставилъ закатъ,
Въ эти сумерки, вздрагивающія
Тонкимъ пепельнымъ кружевомъ,
Въ зачарованный садъ,

Гдѣ, безумьемъ овѣиваемая,
Содрогаясь, постигла ты
Счастье встрѣчъ со Христомъ,
Ты уходишь, осмѣиваемая,
Скрывъ одеждою стигматы—
Знакъ грѣховныхъ истомъ.

LE MIRACLE DES ROSES

—О легкія розы, кто къ намъ
Бросаетъ васъ въ сонъ дневной?—
Октябрь прислонился къ окнамъ
Широкой сѣрой спиной...

—Мы знаемъ: вы ниоткуда!
Мы знаемъ: вы отъ Христа!—
Крылатыя розы чуда
Горятъ, какъ Его уста...

—Уста неземныя! Къ нимъ бы
Прильнуть, Любимый, Женихъ!—
И вотъ—расцвѣтаютъ нимбы,
И Онъ—межъ невѣстъ Своихъ...

—О сестры, сегодня каждой
Дано потерять Христа!—
И каждая съ грѣшной жаждой
Цѣлуетъ Его въ уста...

ЛУНАТИЧЕСКОЕ РОНДО

Какъ мертвая медуза, всплылъ со дна
Ночного неба мѣсяцъ—и инкубы,
Которыми всегда окружена
Твоя постель, тебѣ щекочутъ губы
И тихо шепчутъ на ухо: луна.

Облокотясь, ты смотришь изъ окна:
Огромныя фаллическія трубы
Вздымаются къ Селенѣ, но она,—
Какъ мертвая медуза...

И тонкій запахъ луннаго вина
Тебя пьянитъ... ты стонешь: на луну бы!
Но я молчу—мои движенья грубы...
И ты одна—въ оцѣпенѣньѣ сна—
Плывешь въ окно, блѣдна и холодна,—
Какъ мертвая медуза.

У ВЕЧЕРНЯГО ОКНА

Безрадостнымъ сумеречнымъ пепломъ
Осыпана комната твоя.
Вакханка, накинувшая пеплумъ,
Ты лжешь, призывая и тая.

Послѣдняго слова не докончивъ,
Вечерняго счастья не раскрывъ,
Грустишь,—и загадочно уклончивъ—
Не знаю—отказъ или призывъ...

Молчишь. Отвернулась. Ты сердита?
Ахъ, нѣтъ! выпрямляешься, дразня:
Все тѣло почти гермафродита
Въ конвульсіяхъ сѣраго огня.

И снова безжизненно поникла,
Какъ лилія на сказочной рѣкѣ...
Восторги изысканнаго цикла!
Красивые замки... на пескѣ!

Въ КАФЭ

Кафэ. За полночь. Мы у столика—
Еще чужіе, но уже
Познавшіе, что есть символика
Шаговъ по огненной межѣ.

Цвѣты невѣдомые, ранніе
Въ тревожномъ бархатѣ волосъ,
Порочныхъ взоровъ замираніе,
Полночныхъ образовъ хаосъ,

Боа, упавшее нечаянно,
И за окномъ извивы тьмы—
Все это сладкой тайной спаяно,
И эту тайну знаемъ мы.

Ты хочешь счастья? Такъ разстанемся
Сейчасъ, подъ этотъ гулъ и звонъ,
И мы съ тобою не обманемся,
Не разлюбивъ возможный сонъ.

НА БУЛЬВАРѢ

Никого кромѣ насъ... Какъ пустынна аллея
платановая!
Въ эти сѣрые дни на бульварѣ не
приходитъ никто.
Вотъ—одни, и молчимъ, безнадежно другъ
друга обманывая:
Мы чужіе совсѣмъ—въ этихъ темныхъ
осеннихъ пальто.

Всѣ аллеи какъ будто устелены
шкурою тигровою...
Это—желтое кружево листьевъ на
черной землѣ.
Это—трауръ и скорбь. Я послѣднюю
ставку проигрываю
Подневольнымъ молчаньемъ—осенней
серебряной мглѣ.

Что жъ, пора уходить?.. улыбаясь,
простимся съ безумiями...
Только какъ же сказать?—вѣдь, осеннее
слово—какъ сталь...
Мы молчимъ. Мы сидимъ неподвижными
скорбными муміями...
Развѣ жаль?..

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ СЕКСТИНА

Онъ угасалъ въ янтарно-яркомъ свѣтѣ.
Дневное небо, солнечный виссонъ,
Земля въ цвѣту, властительныя сѣти
Земной весны—въ мечтательномъ поэтѣ
Не пробуждали пѣсенъ. Блѣдный, онъ
Всегда былъ замкнутъ въ свой любимый
сонъ.

Когда-то близкій, невозвратный сонъ:
Въ колеблющемся сумеречномъ свѣтѣ—
Заглохшій садъ, скамья, она и онъ.
Молчанiе. Предчувствiя. Виссонъ
Поблекшихъ травъ. На ней и на поэтѣ—
Плакучей ивы пепельныя сѣти.

И чьи-то руки—сладостныя сѣти—
Его влекутъ въ любовный тихій сонъ.
Старинная легенда о поэтѣ
И дѣвушкѣ, забывшихъ все на свѣтѣ,
Отвергнувшихъ и пурпуръ и виссонъ!
Безмолвный садъ, гдѣ лишь она и онъ!

Мечты, мечты!.. Какъ рыбарь сказки, онъ
Проспалъ уловъ, и разорвались сѣти,
И онъ глядитъ: идетъ ко дну виссонъ
Златыхъ чешуй, и тлетъ, таетъ сонъ
Въ безжалостномъ янтарно-яркомъ свѣтѣ:
Проклятье дня почіетъ на поэтѣ.

Увы, нельзя все время о поэтѣ
Грустить и ждать: когда, когда же онъ
Поймет'ъ тебя?.. Нельзя въ вечернемъ
свѣтѣ,
Сквозь тонкія, какъ паутина, сѣти
Глядѣться вѣчно въ свой завѣтный сонъ,
Гдѣ—ложе страсти, пурпуръ и виссонъ.

Шурши, осенній царственный виссонъ,
Нашептывай секстину о поэтѣ,
Ушедшемъ въ свой любимый давній сонъ,
Въ забытый садъ, гдѣ грустно бродитъ
онъ,
Больной поэтъ, гдѣ чуть трепещутъ
сѣти
Плакучихъ ивъ, застывшихъ въ сѣромъ
свѣтѣ.

При свѣтѣ дня и пепелъ, и виссонъ,
И свѣти нѣ, и строфы о поэтѣ
Смѣшны, какъ онъ, но это—вѣщій сонъ.

ПАНЪ И ЭРОСЪ

Александръ Экстеръ

НОЧЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ ПАНА

О ночь священнаго безплодія,
Ты мнѣ мерещишься вдали!
Я узнаю тебя, мелодія
Изсякшей, радостной земли!

За призракъ прошлаго не ратуя,
Кумиръ—низверженный—лежитъ.
Въ ночную высь уходитъ статуя
Твоихъ побѣдъ, гермафродитъ.

Обломкомъ мертвеннаго олова
Плыветъ надъ городомъ луна,
И пѣсня лирика двуполаго
Лишь сей одной посвящена.

Влюбленные слѣдятъ на взморіи
Преображенный изумрудъ,
А старики въ лабораторіи
Кончаютъ свой привычный трудъ:

Шипятъ подъ тиглями карбункулы,
Надъ каждымъ паръ—какъ алый столбъ,
И вылупляются гомункулы
Изъ охлаждающихся колбъ.

ОСВОБОДИТЕЛИ ЭРОСА

I. ПРОЛОГЪ

Себѣ, истребившимъ послѣднюю память
Объ оргіяхъ Пана, о веснахъ земли;
Себѣ, потушившимъ волшебное пламя
Несчетныхъ цвѣтовъ чадородной земли;

Себѣ, заключившимъ въ гранитъ, какъ въ панцырь,
Увядшее тѣло плѣненной земли;
Себѣ, окрылившимъ священные танцы
И первыя ласки надъ гробомъ земли,—

Поемъ эти гимны.—О Эросъ, внемли!

II. ПАНЪ

Всѣ робкія тѣни, всѣ краски весеннія—
Земли обольстительный гримъ!—
Всѣ запахи, шорохи, зовы, движенія—
Все было замыслено Имъ,

И пытка любви прикрывалась забавами:
Весна приходила съ бичомъ,
И новь загоралась цвѣтами и травами
Подъ властнымъ весеннимъ бичомъ.

Въ полночныхъ чертогахъ, возникшихъ
изъ воздуха,
Тумановъ и первыхъ цвѣтовъ,
Рѣзвились безъ устали, вились безъ
ропдыха
Незримые демоны сновъ.

Спускаясь на землю дорогой знакомою—
По матовымъ сходнямъ луны,—
Они искушали любовной истомою
Жрецовъ непорочной луны.

Безумцы, влекомые страстью
разнузданной
На ложа зачатій и мукъ,
Глумились надъ Эросомъ, тѣнью
неузнанной
Бродившимъ, искавшимъ свой лукъ.

И Эросъ, терзаемый всѣми, что тратили
На оргіяхъ пламя любви,
Провидѣлъ: появятся скоро каратели
За смертную пытку любви.

III. СМЕРТЬ ПАНА

Насъ месть увлекала впередъ
сатурналіями:
Сомкнувши стѣною щиты,
Мы шли, какъ чума, и топтали
сандаліями
Земные соблазны—цвѣты.

Скрывая навѣки подъ глыбою каменною
Поломанный стебель, мы шли,
Пока поднялась шаровидною храминою
Гробница потухшей земли.

И мстительный подвигъ достойно
заканчивая,
Послѣднее дѣйство творя,
Мы Пана убили—о местъ необманчивая!—
На пеплахъ его алтаря.

Онъ умеръ съ землею. Мы шкурою козіею
Украсили бедра свои,
Почти незамѣтно пьянѣя амврозіею
Еще невкушенной любви:

То Эросъ, то Эросъ—мы это
почувствовали—
О радость! о сладкій испугъ!—
Покинувши ложе любви — не
прокрустово ли?—
Натягивалъ найденный лукъ...

И мстительный подвигъ достойно
заканчивая,
Послѣднее дѣйство творя,
Мы Пана убили—о месть необманчивая!—
На пеплахъ его алтаря.

Онъ умеръ съ землею. Мы шкурою козіею
Украсили бедра свои,
Почти незамѣтно пьянѣя амврозіею
Еще невкушенной любви:

То Эросъ, то Эросъ—мы это
почувствовали—
О радость! о сладкій испугъ!—
Покинувши ложе любви — не
прокрустово ли?—
Натягивалъ найденный лукъ...

IV. ЭРОСЪ

Мы строго блюдемъ сокровенныя
заповѣди—
Любовный завѣтъ:
Когда розовѣетъ и гаснетъ на западѣ
Рубиновый свѣтъ,

Мы бѣлыми парами всходимъ по очереди
На Башни Луны,
И любимъ въ святилищахъ дѣвственной
дочери
Нѣмой вышины.

О счастье вступить за черту
завоеваннаго
Священнаго сна
И выпить фіалъ наслажденья любовнаго
До самаго дна!

О счастье: за ночь подъ серебряно-
матовою
Эгидой луны
Не надо платить подневольною жатвою—
Какъ въ царствѣ весны!

О счастье: лишь прихотямъ Эроса
отданные,
Мы можемъ —любя—
На каменномъ шарѣ, какъ камень
безплодные,
Сгорѣть для себя!

MORITURI

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Для всѣхъ раскрылась зеленая библія,
Зеленая книга весны,—
А я не знаю... не знаю, погибъ ли я,
Илъ это лишь призракъ, лишь сны...

Синѣетъ небо сквозь зыбкіе листики...
Просторъ... суета... голоса...
А я опутанъ ліанами мистики,
Чужда мнѣ дневная краса...

Въ сверкающемъ солнцѣ страшное
чудится,
Мнѣ выжжетъ глаза синева,
И въ зломъ просторѣ утонутъ,
заблудятся
Рожденныя смертью слова.

Фальшивый звукъ средь согласной
пѣвучести,
Тѣнь смерти на праздникѣ всѣхъ,
Порочный, далекій отъ общей участи,
Я проклялъ веселье и смѣхъ...

Погибшій, я жажду всеобщей гибели,
И къ смерти—молитва моя:
«Румяныя лица той краской выбѣли,
«Которой отмѣченъ лишь я!»

И только на мигъ, когда укоризненно
Изъ прошлаго кто-то глядитъ,
Поблекшія губы шепчутъ безжизненно
(А сердце не вѣритъ и спитъ):

«О если бы въ часъ торжества
несказаннаго
«Весна пощадила меня!
«О если бъ начать было можно мнѣ
заново
«Великую оргію дня!»

БѢГЛЕЦЫ

Гдѣ-то радостно захлопали
Крылья сильныхъ журавлей,
Затянулись дымкой тополи
Въ глубинѣ сырыхъ аллей,

Полны водами поемными
Черноземныя поля—
Сиротливыми и темными
Разбудила насъ земля.

И только на мигъ, когда укоризненно
Изъ прошлаго кто-то глядитъ,
Поблекшія губы шепчутъ безжизненно
(А сердце не вѣритъ и спитъ):

«О если бы въ часъ торжества
несказаннаго
«Весна пощадила меня!
«О если бъ начать было можно мнѣ
заново
«Великую оргію дня!»

бѢглецы

Гдѣ-то радостно захлопали
Крылья сильныхъ журавлей,
Затянулись дымкой тополи
Въ глубинѣ сырыхъ аллей,

Полны водами поемными
Черноземныя поля—
Сиротливыми и темными
Разбудила насъ земля.

Расцвѣла улыбкой случая,
Тайной жизни и весны,
Но не намъ она, пѣвучая:
Мы порочны и больны.

Насъ, накрашенныхъ, напудренныхъ,
Безобразитъ свѣточъ дня—
Убѣжимъ отъ цѣломудренныхъ,
Отъ возлюбленныхъ огня!

Шумный праздникъ чадородія,
Торопясь, покинемъ мы:
Наши пѣсни—крикъ безплодія,
Потонувшій въ дебряхъ тьмы!

Сумракъ. Сырость. Кучи завяли.
Волхованье тишины...
Мы бѣжали, мы оставили
Вакханалію весны.

Злымъ проклятьемъ заклейменные,
Мы ушли стыдливо въ глушь.
Всякій скажетъ: «вотъ влюбленные—
«Ихъ блаженства не нарушь!»

SEMPER IDEM

Смолкнетъ длительная фуга
Изнурительнаго дня.
Изъ мучительнаго круга
Вечеръ выведетъ меня,

И, врачуя вновь отъ тяготъ,
Смертныхъ тяготъ злого дня,
Поцѣлуи ночи лягутъ,
Нѣжно лягутъ на меня.

Спрятавъ голову, какъ страусъ,
Позабывъ о стрѣлахъ дня,
Я уйду въ полночный хаосъ,
Вновь расцвѣтшій для меня.

А подъ утро за измѣну
Дамъ отвѣтъ владыкѣ дня
И съ проклятіемъ одѣну
Плащъ, измучившій меня.

УТѢШЕНІЕ

Каждый полдень, когда въ зачарованной
тверди
Мой мучитель смѣется, прекрасный и
злой,
И почти незамѣтно качаются жерди
Чуткихъ сосенъ, истекшихъ пахучей
смолой,

Въ этотъ паркъ одинокихъ, безжизнен-
ныхъ мумій,—
Кѣмъ влекомый, не знаю,—одинъ прихожу
Принимать возникающій трауръ
раздумій,
По часамъ созерцать роковую межу.

...Я люблю этихъ хилыхъ, измученныхъ
пьяницъ,
Допивающихъ нектаръ послѣднихъ
минутъ,
Ихъ надорванный кашель, ихъ блекльй
румянецъ,
Кругъ ихъ мыслей и чувствъ—кругъ, въ
которомъ замкнутъ

Бѣдный мозгъ, изнемогшій подъ
тяжестью скорби...
Бѣдный мозгъ, отраженный въ широкихъ
зрачкахъ,
Ты кричишь—обезсиленный—urbi et orbi
Про побѣдную смерть, про мучительный
страхъ!..

...Словно призракъ, скользитъ средь
печальнаго царства,
Подходитъ къ обреченнымъ, притворно
скорбя,
Видѣтъ близкую смертъ—я не знаю
лекарства,
Я не знаю бальзама нужнѣй для себя.

Отдѣленный отъ мертвыхъ одной лишь
ступенью,
Упиваюсь болѣзненнымъ сномъ наяву...
Убѣжавъ отъ живыхъ, предаюсь
утѣшенью:
Пусть гдѣ жизнь, я—мертвецъ, но гдѣ
смертъ—я живу!

ЖЕЛѢЗНЫЯ МАСКИ

пріобщеніе

Спѣша, срываешь ты запястія съ
лодыжекъ
И—вся нагая—ждешь, чтобъ дикій духъ
огня
Свой тяжкій поцѣлуй на насъ обоихъ
выжегъ
И пламеннымъ кольцомъ сковалъ тебя—
меня.

Отъ бронзы вечера коричневѣетъ кожа,
И, нѣжно слитая зеленоватой тьмой
Съ лѣсными травами, съ землею, ты
похожа
На бугорокъ земли, на часть ея самой.

Я знаю: ты—ея уста! Я обезсмерчу
Свою любовь, себя,—прильнувъ
къ твоимъ устамъ,
И на твоей груди прислушиваясь
къ смерчу
Страстей самой земли, бушующему
Тамъ!

ВАЛЬКИРІЯ

Я простертъ на землѣ... я хочу
утонуть въ тишинѣ...
Я молю у зловѣщей судьбы хоть на
часъ перемирія...
Но уже надо мной, на обрызганномъ
кровью конѣ,
Пролетаетъ валькирія,—

И окрѣпшіе пальцы сжимаютъ меча
рукоять,
И воинственнымъ выкликомъ вновь
размыкаются челюсти,
И кровавыя рѣки текутъ предъ глазами
опять
Въ неисчерпанной прелести...

изъ подъ стола

Я васъ любилъ, какъ песъ: тебя, концомъ сандаліи
Почесывавшій мнѣ рубиновую плѣшь,
Тебя, заботливый, въ разгарѣ вакханаліи
Кидавшій мнѣ плоды: «отшельникъ пьяный, ѣшь!»

Остроты стертыя, звучали необычнѣй вы,
Мудрѣе, чѣмъ всегда... Я славилъ пиръ ночной,
И ноги танцовщицъ, и яства, и коричневый
Собачій носъ, и все, что было надо мной.

Но вотъ—благодаря чьему
жестокосердію?—
Я вытащенъ наверхъ, на пьяный вашъ
Олимпъ,
И вижу грязный столъ, казавшійся мнѣ
твердію,
И вижу: ни надъ кѣмъ изъ васъ не
блещетъ нимбъ!

О если бы я могъ, скатившись въ
облюбованный
Уютный уголокъ, подъ мой недавній
кровъ,
Лежать на животѣ, какъ прежде
очарованный,
Какъ смертный, никогда не видѣвшій
боговъ!

СТОДВАДЦАТИЛѢТНЯЯ

Когда зловонный черный дворъ
Ты проплываешь въ полднѣ жаркомъ,
Надъ чадомъ плитъ, надъ визгомъ ссоръ,
На смѣхъ растрепанным кухаркамъ,

И смотритъ пестрая толпа,
Какъ, данъ матшишу отработавъ,
Ученый шпицъ выводитъ па
Подъ пѣснь мятежныхъ санкюлотовъ,—

Меня несетъ, несетъ рѣка
Жестокихъ бредовъ... я провижу:
Опять марсельскія войска
Спѣшатъ къ возставшему Парижу...

Забыть, что алымъ остріемъ
Вонзался въ небеса костеръ твой,
Что мы, безсильные, бредемъ
Дорогой тягостной и мертвой,

Что на посмѣшище звѣвакъ
Тебя приносятъ, марсельеза,
И что летитъ въ окно пятакъ
За пѣсню крови и желѣза!

60

ПЕРЕВОДЫ

,62

романъ

А. Рембо.

I.

Нѣтъ разсудительныхъ людей въ 17
лѣтъ!—
Іюнь. Вечерній часъ. Въ стаканахъ
лимонады.
Шумливыя кафе. Кричаще-яркій свѣтъ.
Вы направляетесь подъ липы эспланады.

Онѣ теперь въ цвѣту и запахомъ
томятъ.
Вамъ хочется дремать блаженно и
лѣниво.
Прохладный вѣтерокъ доноситъ ароматъ
И виноградныхъ лозъ и мюнхенскаго
пива.

II.

Вонъ замѣчаете, сквозь вѣтку надъ собой,
Клочокъ лазурной тряпки, съ неумѣло
Приколотою къ ней мизерною звѣздой,
Дрожащей, маленькой и совершенно бѣлой.

Іюнь! 17 лѣтъ! Сильнѣе крѣпкихъ винъ
Пьянитъ такая ночь... Какъ будто бы спросонокъ,
Вы смотрите вокругъ, шатаетесь одинъ,
А поцѣлуй у губъ трепещетъ, какъ мышенокъ.

III.

Въ сороковой романъ мечта уноситъ васъ...
Вдругъ — въ свѣтъ фонаря—, прервавъ видѣнья ваши,
Проходитъ дѣвушка, закутанная въ газъ,
Подъ тѣнью страшнаго воротника папаши,

И, находя, что такъ растерянно, какъ вы,
Смѣшно бѣжать за ней безъ видимой причины,
Оглядываетъ васъ... И замерли, увы,
На трепетныхъ губахъ всѣ ваши каватины!

IV.

Вы влюблены въ нее. До августа она
Внимаетъ весело восторженнымъ
сонетамъ.
Друзья ушли отъ всѣ: влюбленность
имъ смѣшна.
Но вдругъ... ея письмо съ насмѣшливымъ
отвѣтомъ.

Въ тотъ вечеръ... васъ опять влекутъ
толпа и свѣтъ...
Вы входите въ кафэ, спросивши лимонаду...
Нѣтъ разсудительныхъ людей въ 17
лѣтъ
Среди шлифующихъ усердно эспланаду!

ГИДАЛЬГО

Т. Корбьеръ.

О всѣ они горды!.. какъ на коростѣ вши!
Они ограбятъ васъ, но такъ, что вы—
растаявъ
Отъ восхищенія—на самомъ днѣ души
Почти полюбите отважныхъ негодяевъ.

Ихъ запахъ не совсѣмъ хорошъ. Зато
ихъ видъ
Очарователенъ — въ нихъ чувствуется
раса.
Вотъ—не угодно ли?—набросокъ: нищій
Сидъ...
Великолѣпный Сидъ бездѣльниковъ
Козаса...

Я брелъ съ подругою. Дорога—вся въ
огнѣ—
Казалось, напрокатъ взята изъ
преисподней.
Вдругъ—Сидъ — во весь опоръ... и я
прижатъ къ стѣнѣ
Загривкомъ лошади. — Ахъ, милостью
Господней

Я заклинаю васъ: головку лука... су...
Я большаго просить не смѣю у сеннора...
(А лошадь у меня почти что на носу)
Она ужъ любитъ васъ, бѣдняга!
—Слишкомъ скоро!

Дорогу!—О, хотя бъ окурокъ?... помоги
Вамъ Дѣва за добро. — Отстань, ты
тратишь время
Напрасно! Пропусти!.. (Онъ пальцами
ноги
Тихонько мой карманъ затягиваетъ въ
стремя).

--Молю о жалости! и—получивши су—:
Благодарю, сеньоръ, за ангельское дѣло...
Сеньора! Дивная! спасибо за красу,
А также и за то, что на меня глядѣла!..

СКВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖЪ

Т. КОРБЬЕРЪ.

Песокъ и прахъ. Волна хрипитъ и таетъ,
Какъ дальній звонъ. Волна. Еще волна.
—Зловонное болото, гдѣ глотаетъ
Большихъ червей голодная луна.

Здѣсь медленно варится лихорадка,
Изнемогаетъ блѣдный огонекъ,
Колдуетъ заяцъ и трепещетъ сладко
Въ гнилой травѣ, готовый наутекъ.

На волчьемъ солнцѣ разстилаетъ
Прачка
бѣлье умершихъ—грязное тряпье,
И, всѣ грибы за вечеръ перепачкавъ

Холодной слизью, вѣчное свое
Несчастіе оплакиваютъ жабы
Размѣренно-лирическимъ «когда бы».

МАГАЗИНЪ САМОУБІЙСТВА

М. Роллина.

«Вотъ—вѣрный пистолетъ...
отточенныя бритвы...
«Веревка... хлороформъ... Надежнѣй не
не найти!
«Попробуйте—клянусь: ни папскія
молитвы,
«Ни лучшіе врачи не смогутъ васъ
спасти!»

«Вотъ—ядъ разныхъ змѣй...
Растительные... Я бы
«Совѣтовалъ вамъ взять кураре...
Илъ вотъ тутъ—
«Напитокъ, сваренный изъ сока
кучелябы:
«Въ одно мгновеніе онъ скрутитъ васъ
какъ жгутъ»!

«За каждый проданный снарядъ
самоубійства
«Даемъ ручательство, и это не
витійство.
«Но лучшее изъ средствъ покинутъ
дольній міръ»—

Онъ указалъ на дверь, задѣланную въ
стѣну,—
«Ему научатъ васъ за небольшую цѣну
«Дѣвица Осьминогъ и госпожа Вампиръ».

СОДЕРЖАНІЕ

СОДЕРЖАНІЕ

Стихи, отмѣченные знакомъ *, были напечатаны въ журналахъ: «Аполлонъ» и «Островъ» и въ сборникѣ: «Антологія современной поэзіи».

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ

Флейта Марсія 7

ТИХІЯ ОРГІИ

Невѣста въ черномъ. . . 11
* Le miracle des roses 12
* Лунатическое рондо. . . . 14
У вечерняго окна. . . . 15
Въ кафэ. 17
На бульварѣ. 19
Сентиментальная секстина 21

Стр.

ПАНЪ И ЭРОСЪ

* Ночь послѣ смерти Пана. . . . 27
Освободители Эроса:
1. Прологъ. . . . 29
2. Панъ 30
3. Смерть Пана 33
* 4. Эросъ 35

MORITURI

* Отверженный . . . 39
* Бѣглецы, . . 42
* Semper idem . . 45
* Утѣшеніе 47

ЖЕЛѢЗНЫЯ МАСКИ

Пріобщеніе. . 35
Валькирія 55
Изъ-подъ стола 56
Стодвадцатилѣтняя. . 85

ПЕРЕВОДЫ

Романъ . 63
Гидальго 67
Скверный пейзажъ 70
Магазинъ самоубійства. 72

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

КОМЪЯ. Вторая книга стиховъ (готовится.)

II

ЦѢНА 1 РУБ. 25 КОП.